
УДК 168.522+821.112.2+616.89 DOI: 10.31249/hoc/2022.02.04

Ташкенов С.П.*

**«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СУБЪЕКТ» В ПСИХИАТРИИ
И ЛИТЕРАТУРЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации, происшедшие в психиатрии и литературе Германии 70-х годов XX в. С одной стороны, на примере гейдельбергского Социалистического коллектива пациентов во главе с доктором Вольфгангом Хубером прослеживается развитие антипсихиатрического «революционного субъекта». С другой стороны, в противовес маргинальности кружка Хубера анализируется несколько иной путь, которым пошел «революционный субъект-шизофреник» в литературе – на примере романа Хайнара Киппхарда «Мэрц». Обладая рядом сходств и отличий, оба явления по-разному трансформируют культурное пространство.

Ключевые слова: революция; антипсихиатрия; шизофрения; культурные трансформации.

Получена: 15.01.2022

Принята к печати: 05.02.2022

* **Ташкенов Сергей Петрович** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела культурологии ИНИОН РАН, Москва, Россия, e-mail: sergey.tashkenov@gmail.com

Tashkenov Sergej Petrovich – PhD in Philology, Senior Research, Department of Cultural Studies, INION RAS, Moscow, Russia, e-mail: sergey.tashkenov@gmail.com

Tashkenov S.P.

The “Revolutionary subject” in psychiatry and literature

Abstract. This article examines the transformations taking place in German psychiatry and literature in the 1970 s. On the one hand, it traces the development of an anti-psychiatric “revolutionary subject” through the example of the Heidelberg Patient Socialist Collective led by Dr. Wolfgang Huber. On the other hand, in contrast to the marginality of Huber's circle, we analyze the somewhat different path taken by the “revolutionary schizophrenic subject” in literature, using Heinar Kipphardt's novel März as an example. With a number of similarities and differences, both phenomena transform cultural space in different ways.

Keywords: revolution; anti-psychiatry; schizophrenia; cultural transformation.

Received: 15.01.2022

Accepted: 05.02.2022

Культура не может стоять на месте: она не только находится в постоянном становлении и развитии под влиянием внутренних факторов, но и поддается трансформациям извне. Одной из самых резких их форм можно назвать революцию. Классическая формула Карла Маркса «Революции есть локомотивы истории» [Маркс, 1956, с. 86] применима к самым разным сторонам культурной жизни на любой стадии ее развития. В настоящей статье попытаемся рассмотреть образ «революционного субъекта» психиатрии, возникший в Германии в начале 70-х годов XX в. практически одновременно в психиатрической и художественной практике. Заданный исторический момент сам по себе находится под знаком революционных (эмансипационных) движений. Смена парадигм в 1960-х годах не могла обойти стороной и психиатрию, довольно молодую участницу общественного дискурса: на базе экзистенциально-феноменологической психиатрии зародилась и начала бурно развиваться «антипсихиатрия», которую следует понимать не как отдельную науку с собственной медицинской научной базой, но как ряд общественных и философских движений, теорий и реформ, направленных на деинституционализацию современной психиатрии, ее гуманизацию и социализацию (см.: [Власова, 2014, с. 60–74]). При

этом, как справедливо отмечает О.А. Власова, революционность антипсихиатрии выражается «не только в радикальности идей и жесткости формулировок, но и в том, что на макроуровне антипсихиатрия совершила макрореволюцию», расшатав политику общества [там же, с. 387].

Врач и пациент: смещение субъекта

Развивавшаяся в США и Европе с начала 60-х годов XX в. антипсихиатрия является «мощным культурным и научным феноменом» [Власова, 2014, с. 371]. В ее основу легла гуманитарная проблематизация, превратившая «дискурс психической болезни» в «дискурс о человеке» [там же, с. 390]. Для классических направлений психиатрии того времени антипсихиатрическая теория представляла серьезную угрозу, поскольку она не только актуализировала социально ориентированную критику, но и подрывала изначальную, до сих пор сохранившуюся суть психиатрии как тюремной практики [ср.: Фуко, 2010, с. 59–97]. Как отмечает О.А. Власова, антипсихиатрия «выстроила социально-антропологическую перспективу психического заболевания, противостояла психиатрии как социальному институту власти и принуждения, критиковала тоталитарный характер психиатрических институций и развивала революционные практические проекты», что сделало ее «радикальным и революционным, маргинальным социальным проектом со своей социальной теорией и социальной практикой» [Власова, 2014, с. 408].

Если революция начинается с одного человека, то в контексте культурных трансформаций конкретно немецкой психиатрии таким человеком можно было бы назвать Вольфганга Хубера (р. 1935), психиатра университетской клиники Гейдельберга. Становление Хубера как психиатра антипсихиатрического толка приходится на эпоху реформирования институциональной психиатрии и ее гуманизации: снимаются решетки, открываются и расширяются новые отделения, вводятся терапевтические группы, а Гейдельбергская клиника становится первой, отказавшейся от деления на мужские и женские отсеки [Pross, 2016, S. 42]. Благодаря либерально настроенному начальству Гейдельбергская клиника была местом, в котором идеи могли свобод-

но выражаться и обсуждаться, в том числе идеи антипсихиатрического движения, защищавшего тезис, что шизофрения есть не болезнь, но реакция на невыносимые условия жизни и творческий протест против отчуждения пациента. Ведущие основатели и представители антипсихиатрического движения, такие как Роналд Лэнг и Дэвид Купер в Великобритании, Томас Сас, Ирвинг Гофман и Грегори Бейтсон в США, Франко Базалья в Италии [Власова, 2014; Кельнер, 1981; Штернберг, 1972], утверждали в связи с этим, что, к примеру, надо позволить шизофрении пройти путь свободного развития и естественного исцеления, свободного от принудительного медикаментозного вмешательства. Эти идеи лягут в основу хуберовской концепции болезни, хоть сам Хубер и будет отрицать влияние своих зарубежных предшественников и коллег. Идея революции появляется у Хубера еще в ранние профессиональные годы. Так, д-р Вист, у которого Хубер был ассистентом, вспоминает его слова из 1960-х годов как слова потенциального революционера: «Ты феодальный анархист, подобно Кропоткину. Феодалов мы обезглавим последними» [Pross, 2016, S. 45].

Хубер изначально нарочито демонстрировал свою «близость к народу», к пациентам: «В Социалистическом коллективе пациентов я, как и остальные, был пациентом среди пациентов» [ibid., S. 248]. Однако в описаниях самих пациентов преобладает образ Вольфганга Хубера как однозначного потенциального лидера: «У него была чуть ли не мессианская харизма» [ibid., S. 57]. Хубер умел находить понимание и симпатию у пациентов, так что вокруг него быстро сложился круг почитателей. Однако среди коллег он оказался аутсайдером и, увлекшись Гегелем и Марксом, резко критиковал современное обращение с пациентами. Не получая, как ему казалось, поддержки и понимания в академических кругах, Хубер замкнулся на собственных идеях и игнорировал любые попытки диалога. Именно в аутсайдерстве и непринятости в академических кругах историки видят один из мотивов, подтолкнувших Хубера на создание Социалистического коллектива пациентов [ibid., S. 54–65]. Так, один из пациентов вспоминает, что слова Хубера «Посмотрите, вы все такие же, вы все так же изолируете больных!» слышались как «Вы все так же изолируете интеллект, вы изолируете меня» [ibid., S. 65].

Терапевтическая группа, которая формировалась вокруг Хубера, прославившего «левым» и «прогрессивным» врачом, стала быстро обрывать активистами из студенческого движения, что привело к политизации самого Хубера и его круга. Вероятно, именно на сеансах групповой терапии он мог почувствовать определенную свободу от ненавистных ему коллегиальных отношений и развивать концепцию больного как революционного субъекта. Сеансы групповой терапии постепенно переходили в личные собрания у Хубера дома – «своего рода продолжение терапии в форме гегельянского рабочего кружка» [Pross, 2016, S. 72] во главе с Хубером как идеологом новой волны.

Обострившийся конфликт с руководством клиники привел к решению об увольнении Хубера, далее – к массовым протестам его приверженцев, и наконец – к захвату ректората клиники на Рорбахерштрассе 6 июля 1970 г. с перечнем требований, включающих предоставление помещений, финансирования, прав и административной свободы для образовавшегося Социалистического коллектива пациентов [далее – СКП], который просуществует около полутора лет. Коллектив активно пополнялся студентами и рабочими, поскольку позволял объединить политический протест с личностной свободой. Поскольку в СКП не было тематических табу, он оказался пристанищем для отвергнутых и спасением для непонятых.

20 июля 1970 г. СКП напечатал околонучное обоснование своей концепции психического расстройства, которая сводилась к тому, что единственно возможное преодоление болезни заключается в ликвидации капиталистического общества, которое и делает человека больным: потребности человека определены капитализмом, социалистическая терапия заключается в том, чтобы освободить изначальные вытесненные желания, а укоренившуюся в человеке ненависть к себе направить против патогенных институций – таким образом, что в итоге не будет нужды в терапевтах, поскольку не будет и пациентов [ibid., S. 187]. В воспоминаниях одного из членов СКП угадывается предшествующее революциям состояние накопившегося угнетения и недовольства: «Мы понимали свою болезнь как протест и в то же время как его торможение, как оцепеневшее выражение невыносимости определенного образа жизни. Мы пытались заявить о протесте как о прогрессивной стороне заболевания, четко определяя социальные

взаимосвязи и пытаюсь преодолеть собственные страхи и сбросить с себя оковы» [Pross, 2016, S. 189]. Таким образом СКП трактовал болезнь как революционную производительную силу, а больного – как революционного субъекта, и пропагандировал центральную идею о том, что болезнь «есть не только судьба, не только пассивное страдание, но она также способна проявлять активность и оказывать сопротивление: объект может стать субъектом» [ibid., S. 189].

Несмотря на то что Вольфганг Хубер нащупал верные продуктивные подходы к динамике психического расстройства и к скрытым в симптоме продуктивным силам, идеологическая догматика все же преобладала над терапевтической эффективностью, а психоаналитическая техника замещалась совместным разбором пассажей из Гегеля и Маркса. Это естественным образом привело к тому, что терапия сменилась агитацией, а лечение приняло форму политической пропаганды и объявления войны: программное сочинение СКП носит название «Из болезни сделать оружие», равно как и в понимании самого Хубера «страдание больных становится мотором бунта» [ibid., S. 311]. В процессе агитации больной должен превратить свое страдание в действие, т.е. высвобожденное подавленное желание (протест) должно выразиться в форме политической активности, а само политическое выражение агрессии оказывать целительное воздействие.

Довольно скоро СКП обнаружил деструктивную и самодеструктивную динамику. С одной стороны, распространялся параноидальный образ врагов, как внешних, так и внутренних: «СКП считал, что весь мир против СКП, что все хотят уничтожить СКП» [ibid., S. 257], «кто не с нами, тот против нас» [ibid., S. 261]. С другой стороны, через язык, которым был наделен новый революционный субъект. Этот язык использовался как оружие, жесткая риторика позволяла проводить резкую грань между врагом и другом, демонизировать противника, громкогласно обвинять и в то же время снимать с себя ответственность. Так, 16 апреля 1971 г. была опубликована статья «Самомубийство = убийство» [ibid., S. 263]. Изначально риторика СКП, как и многие критические течения Германии 1960–1970-х годов, опиралась на идентификацию себя с жертвами нацистского режима и на сравнение господствующей системы с фашизмом, однако изначальная игра слов переросла в язык агрессии, грубые оскорбления, сексуальные и

фекальные метафоры. Так, одна из листовок СКП изобилует нападка-ми следующего толка: «При выражениях “жополиз”, “дерьмо”, “фашистский” анальные чистюли вздрагивали от шока (господину председателю мы отдельно советуем крем “Золото” от геморроя). Обреза-льщик не только крайнюю плоть оттяпал, но и собственную колбаску» [Pross, 2016, S. 295].

После того как психотерапия окончательно подменилась клас-совой борьбой, а давление университета и прессы увеличилось, и без того радикальный язык обострился и раздались первые призывы взять в руки оружие, которые окончательно раскололи СКП: возникшие формулировки и призывы «нанести смертельный удар по капитали-стической системе» заставили прессу тут же повесить на членов СКП ярлык «кровожадных людей, жаждущих смерти других, кровавой ре-волюции» [ibid., S. 297]. Этот страшный язык, навязанный революци-онному субъекту психиатрии, состоящий на одну половину из грубо-стей, на другую – из мешанины Маркса и Гегеля, лишил больного возможности продуктивного диалога с обществом и обрел на изоля-цию. Поэтому неудивительно, что когда перед домом Хубера был ран-нен полицейский, а в помещениях СКП были обнаружены взрывчатые вещества, прошла череда арестов и скандалов, а пресса незамедли-тельно растиражировала мнимую связь СКП с террористической ор-ганизацией RAF и стилизовала членов СКП под террористов. Газеты того времени пестрели такими заголовками, как «Душевнобольные берутся за оружие: в Гейдельберге политбезумцы замышляют рево-люцию», «Когда психи становятся опасны для общества?», «Нервно-больные студенты призывают к перевороту» [цит. по: Pross, 2016, S. 387]. СКП начинают называть «коллективом невротиков и полит-фанатиков», «группой пограничных параноиков под предводительст-вом вероятно столь же параноидального врача», «обученными полит-революционерами»; рисуются образы взорванных мостов, разрушен-ных ратуш и поверженной в хаос Германии; журнал «Квик» писал: «В Гейдельберге сумасшедшие пробовали устроить восстание. Андреас Баадер и Ульрике Майнхоф [известные немецкие террористы] – их примеры для подражания. Целый год около сотни душевнобольных готовили в Гейдельберге переворот» [ibid., S. 388].

Таким образом новый «революционный субъект» психиатрии подвергся той самой стигматизации, против которой боролся и он сам, и его идеолог Хубер [Pross, 2016, S. 389].

Шизофреник и поэт: смена субъектности

Мысль о том, что художественная литература взаимодействовала с психиатрией с момента зарождения последней в культурном пространстве, давно перестала вызывать удивление в гуманитарных науках [Wübben, 2012]. Однако роман Хайнара Киппхардта «Мэрц» (1976) занимает в этом поле напряженных взаимоотношений особое место и более многих тематически схожих текстов имеет право называться введенным Г. Ирле термином «психиатрического романа» [Igle, 1965], хотя если сопоставить содержание текста с историческим моментом, то было бы корректнее назвать роман «антипсихиатрическим».

Роман бывшего психиатра, прозаика и драматурга Хайнара Киппхардта рождается в том же антипсихиатрическом контексте, в котором гремел СКП. В качестве основы романа, написанного в технике коллажа и призванного соединить психиатрическую науку с художественным вымыслом, Киппхардт выбрал реальную ситуацию, в которой «революционный субъект» психиатрии реализует себя совершенно иным способом. В самом начале 1970-х годов Киппхардт знакомится с новаторскими идеями венского психиатра Лео Навратила, совершавшего в то время свою собственную «мягкую» революцию в лечении шизофрении. Будучи уверенным в продуктивном потенциале языка шизофреников и в терапевтическом эффекте художественных актов, Навратил способствовал развитию изобразительных и поэтических практик своих пациентов. Самым знаменитым из них стал Эрнст Хербек (более известный под псевдонимом Александр), жизнь и поэтическое творчество которого Хайнар Киппхардт положил в основу романа, чем, впрочем, спровоцировал скандальные обвинения в плагиате в свой адрес [Taškеноv, 2017]. В постоянной смене перспективы между молодым психиатром нового поколения Кофлером и старым патриархальным директором фиктивной лечебницы Фойерштайном угадывается напряженная ситуация смены психиатрических мето-

дов, царившая и в Гейдельберге на рубеже 1960–1970-х годов: «Психоз также есть попытка излечения» [Kipphardt, 2011, S. 168]. Однако в сравнении с СКП Хубера «революционный субъект» Киппхардта обладает главной отличительной чертой: он – поэт.

Язык Мэрца (равно как и язык психиатра Кофлера) полон критических намеков в адрес актуального состояния психиатрических концепций больного и методов его лечения, но начисто лишен агрессии, свойственной СКП. В поэтичности и «загадочности» своих высказываний шизофреник и поэт Мэрц оживляет огромный художественный пласт представлений о безумии, начиная с идеи «избранности» и «открывшейся истины» романтизма. Если Хубер пытался добиться оправдания и общественного признания психически больных путем политизации, враждебной агитации и активизации их скрытой агрессии, то Киппхардт делает акцент на творческом потенциале шизофреника и на его «тайном» языке, развивающемся уже целых два столетия. Поэт и шизофреник Мэрц, отвергнутый обществом, оказывается ближе всех образу «нового человека»: неспроста в его рисунках и саморепрезентациях и самостилизациях, равно как и в его художественном акте самосожжения, возникает образ Иисуса Христа [ibid., S. 224].

В отличие от СКП, антипсихиатрические идеи высказываются в романе тихо, без крика. Так, например, Мэрц совершенно незаметно и молча пишет на доске перифразу антипсихиатрической мысли: «Аутизм: отказ от ролевых ожиданий» [ibid., S. 168].

Революция, субъектом которой Киппхардт делает шизофреника, затрагивает в первую очередь не общественный уклад (хотя его, безусловно, тоже), но в принципе сам поэтический язык: изменения, которые психическое расстройство вносит в язык в целом и в поэзию в частности, оказываются новым способом артикуляции новых экзистенциальных условий. И действительно, спустя полвека стиль Александра / Мэрца уже кажется удивительно похожим на манеру письма, скажем, Герты Мюллер: «Если я пробую на вкус марципан, то я поел от своей матери»; «Если я опираюсь на руку, обнажаются кости, обвитые нервными окончаниями как древесный лишайник. – Если я складываю руки, это руки моей склочной сестры» [ibid., S. 86]. Отчаянная, странная, деформированная речь Мэрца оказывается более эффективной, нежели прямые агрессии СКП, поскольку вводит в обиход новые

изобразительные образцы, лишённые агрессии: «Милые мои. Огурец убийца меня покидает хвалить ли винтовку заряженной газету? Немец и поляк, ах Парппе, я не тоскую по дому и все время думаю косуля-несуля борода долой вне игры мяч не в пример. Стреляю-целую Александр» [Kipphardt, 2011, S. 93].

Поэтический «язык безумца», опирающийся на двухвековую историю своего становления (отчет здесь можно вести от писем душевнобольных в редакцию журнала Карла Филиппа Морица и от текстов Гёльдерлина), оказывается более продуктивным, чем попытки отвоювать свои прямые права в обществе путем тотального отрицания в случае Хубера. Будь то почти что детский наивный примитивизм Мэрца:

Снег белый
И мягкий снег
Под снегом хочу лежать
и глядеть.

[Ibid., S. 111]

Или его более развернутые формы:

Смерть.
Смерть такая большая.
Смерть большая.
Смерть есть крупа.
Ест крупу.
Смерть тоже есть.
Смерть тоже глупа.
Я могу войти в смерть.
Смерть в школе как дева.

[Ibid., S. 223]

Герой Киппхарда пусть и гибнет, но его язык оказал влияние, возможно, не меньшее, чем изначально идеалистические идеи Хубера, а на язык литературы 1970–1980-х – однозначно несоизмеримо большее (Р. Гэтц, В. Кофлер, Т. Бернхард и др.). Если психиатрия вынуждена отталкиваться от своей актуальной стадии развития, предлагая новые, «революционные» методы терапии и концепции, скажем, шизофрении, то литература имеет возможность обратиться ко всей истории «художественного» безумца от романтизма до наших дней, в то

же время переосмысляя достижения и ошибки общественных и, в частности, академических дискуссий. Поэтому в одной и той же исторической ситуации два дискурса, изначально тесно связанные между собой, совершенно по-разному реагируют на назревшие потребности в революции “безумия” в культуре. Как антипсихиатры, которых О. Власова называет борцами и революционерами, «говорили от имени больных, [...] рассказывали об их опыте и делали все для их освобождения» [Власова, 2014, с. 408], так и писатели и поэты способны наделять голосами и правами «больных» субъектов, исключаемых из поля литературы традиционными нормами и поэтиками. Шизофреник как революционный субъект литературы трансформирует не только образ своей инаковости в культуре и обществе, но и заставляет трансформироваться и развиваться художественный язык как таковой, формируя специфический и самобытный «психиатрический / патологический код письма» [Taškenov, 2014].

Список литературы

- Власова О.А.* Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 432 с.
- Кельнер М.С.* Антипсихиатрия и социальная философия левого радикализма // Филоофские науки. – 1981. – № 2. – С. 56–63.
- Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 7. – Москва : Политгиздат, 1956. – С. 5–110.
- Фуко С.* История безумия в классическую эпоху. – Москва : АСТ, 2010. – 698 с.
- Штернберг. Э.Я.* О некоторых крайних течениях в современной зарубежной социальной психиатрии (антипсихиатрические тенденции) // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – 1972. – Вып. 8. – С. 1241–1248.
- Irle G.* Der psychiatrische Roman. – Stuttgart : Hippokrates-Verlag, 1965. – 160 S.
- Kipphardt H.* März. Roman und Materialien. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 2011. – 310 S.
- Pross Ch.* Wir wollten ins Verderben rennen. Die Geschichte des Sozialistischen Patientenkollektivs Heidelberg. – Köln : Psychiatrie Verlag, 2016. – 502 S.
- Taşkenov S.* Folie à deux : Psychiatrische Schreib- und Lesecodes der Moderne // Visionen der Zukunft um 1900. Deutschland, Österreich, Russland / Hrsg. v. S. Taškenov u. D. Kemper. – Paderborn : Wilhelm Fink, 2014. – S. 223–236.
- Taşkenov S.* Geisteskrankes Eigentum : Plagiatsvorwürfe gegen Heinar Kipphardts März // Productivity of pliarism. – Berlin : LIT, 2017. – S. 49–61.

Wübben Y. *Verrückte Sprache : Psychiater und Dichter in der Anstalt des 19. Jahrhunderts.* – Konstanz : Konstanz University Press, 2012. – 334 S.

References

Vlasova, O.A. (2014). *Antipsichiatrija: social'naja teorija i social'naja praktika* [Antipsychiatry: Social Theory and Social Practice]. Moscow : Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)

Kel'ner, M.S. (1981). Antipsichiatrija i social'naja filosofija levogo radikalizma [Anti-psychiatry and the social philosophy of left-wing radicalism]. In *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], (2), (pp. 56–63). (In Russ.)

Marks, K. (1956). Klassovaja bor'ba vo francii s 1848 po 1850 g. [Class struggle in France from 1848 to 1850]. In Marks, K., Engel's F. *Sochinenija*. Tom 7. [Essays. Vol. 7], (pp. 5–110). Moscow : Politizdat. (In Russ.)

Fuko, M. (2010). *Istorija bezumija v klassicheskuju epohu* [A history of madness in the classical era]. Moscow : AST. (In Russ.)

Shternberg, E. Ja. (1972). O nekotoryh krajnih techenijah v sovremennoj zarubezhnoj social'noj psichiatrii (antipsichiatricheskie tendencii) [On some extreme currents in contemporary foreign social psychiatry (anti-psychiatric tendencies)]. In *Zhurnal nevropatologii i psichiatrii im. S.S. Korsakova*. [Journal of Neuropathology and Psychiatry named after S.S. Korsakov], issue 8, (pp. 1241–1248). (In Russ.)

Irle, G. (1965). *Der psychiatrische Roman* [The psychiatric novel]. Stuttgart : Hippokrates-Verlag. (In Germ.)

Kipphardt, H. (2011). *März. Roman und Materialien* [March. Novels and materials]. Reinbek bei Hamburg : Rowohlt. (In Germ.)

Pross, Ch. (2016). *Wir wollten ins Verderben rennen. Die Geschichte des Sozialistischen Patientenkollektivs Heidelberg* [We wanted to run to ruin. The history of the Socialist Patient Collective Heidelberg]. Köln : Psychiatrie Verlag. (In Germ.)

Taškenov, S. (2014). Folie à deux: Psychiatrische Schreib- und Lesecodes der Moderne [Folie à deux : Psychiatric writing and reading codes of modernity]. In *Visionen der Zukunft um 1900. Deutschland, Österreich, Russland* [Visions of the future around 1900. in Germany, Austria, Russia], Hrsg. v. S. Taškenov u. D. Kemper [Ed. V.S. Taškenov and D. Kemper]. (pp. 223–236). Paderborn : Wilhelm Fink. (In Germ.)

Taškenov, S. (2017). Geisteskrankes Eigentum: Plagiatsvorwürfe gegen Heinar Kipphardts März. [Mentally Ill property : Accusations of plagiarism against Heinar Kipphardt's March]. In *Productivity of plagiarism*, (pp. 49–61). Berlin : LIT. (In Germ.)

Wübben, Y. (2012). *Verrückte Sprache: Psychiater und Dichter in der Anstalt des 19. Jahrhunderts* [Crazy language : psychiatrist and poet in the institution of the 19th century]. Konstanz : Konstanz University Press. (In Germ.)